

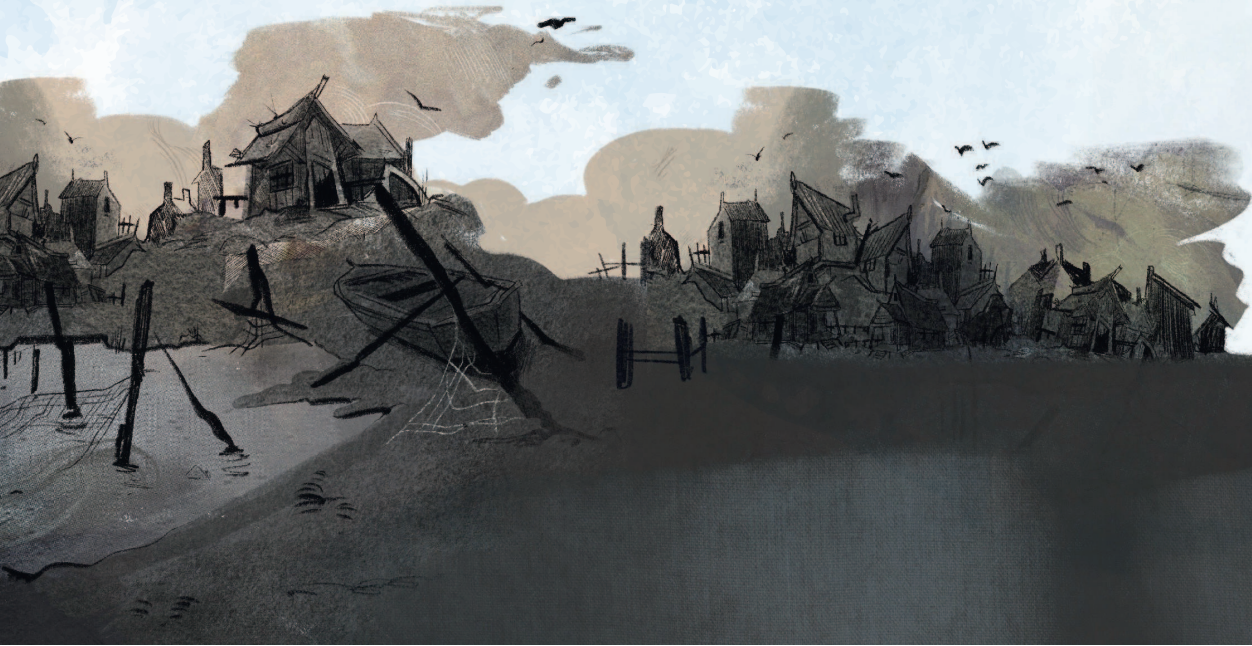

На берегу Средиземного моря, у самой кромки воды, в рыбацкой деревушке, в маленьком, едва заметном старом сером домике-шалаше с косою крышей, жила семья потомственных рыбаков на морского окуня: папа Тобиас, мама Ньюш и их дочка — малышка Симона.

Мягкое родное солнце гладило их по утрам, тёплым дыханием печи обдувало их в обед и, разогретое, каждый вечер ныряло в прохладное, остывающее море.

Симона любила сидеть на берегу на закате в тот момент, когда родное, близкое ей солнце плавало и резвилось на горизонте.

Маленькими ножками она заходила по щиколотку в остывающие прохладные воды. Море каждый раз прощалось с ней перед длинной тёмной ночью, шурша и играя. Деревушка Косые Крыши погружалась в сон...

Жители были трудолюбивыми, серьёзными рыбаками и рыбачками; женщины и дети ходили в море наравне с мужьями и отцами — все становились настоящими рыбаками. Они не танцевали и не веселились; иногда они пели протяжные старинные песни ловцов рыбы сетью. Рыбаки, которые ловят сетью, поют особые песни, усыпляющие бдительность рыбы, — мерно доставая длинные, плетёные из толстых верёвок тяжёлые сети, помогают себе глубоким горловым пением.

В деревушке никогда ничего не происходило. Рыбаки жили бедно, просто: сами шили себе одежду и всё, что ели, выращивали на длинных грядках-огородах или ловили в море. Иногда, конечно, что-то новое и интересное случайно попадало в Косые Крыши, когда к ним приезжали торговцы, которые покупали почти всю хорошую рыбу. Но жители были рыбаками, а не торговцами и торговать не умели, и из-за этого их всегда обманывали, когда они продавали улов за копейки хитрым городским ловкачам.

* * *

Малышка Симона любила слушать, как её мама и папа торговались с городскими ловкачами.

Однажды один из них достал большую чёрную коробку с ручкой сверху, вытащил серебряную палку-куст, нажал какой-то рычажок и повернул большую круглую шайбу. Симона услышала звук моря, потом послышался стук. Это был ритм, потом шум кастрюль мамы Ньюш, потом хлопанье двери, звук колокольчика, крик чайки, урчание живота её собаки Щелкунчика. Симона, как зачарованная, подошла к чёрному ящику, её изумление нельзя было скрыть.

Ловкач улыбнулся и сказал:

— О-о, ваша малышка никогда не слышала радио? — И, улыбаясь, продолжил: — Ньюш, Тобиас, может, обме-

няем ваш сегодняшний улов на эту очень дорогую коробку с музыкой?

Симона с надеждой посмотрела на папу с мамой. Тобиас — с тяжёлым, рубленным, выточенным ветрами и солью, коричневым, закалённым солнцем и стужей лицом — без улыбки и эмоций утвердительно кивнул, глядя на ловкача и Симону.

Пока они договаривались об обмене, Симона заметила, как её правый ботиночек стал пританцовывать в такт хлопающей двери в чёрной коробке, потом то же самое стал делать её левый ботинок. Маленькие ножки двигались в такт самостоятельно, они подняли и закружили их хозяйку Симону в ловком танце.

— Ух, как ваша дочка танцует чарльстон! Можно ли представить, что у вас научили такую малышку настолько искусно танцевать?

Пока он это говорил, Симона лихо отплясывала, ритмично вскидывая башмачки и болтая руками. Глаза её горели, волосы растрепались; пыльную площадку перед их домом заливало улыбкой и радостным настроением Симоны. Все, кто был на маленькой площади, прекратили выгружать рыбу, поднимать ящики и торговать — все, улыбаясь, смотрели, как она танцует. Жители Косых Крыш, которые никогда не улыбались и не помнили, чтобы кто-то видел их смеющимися, хохотали, плака-

ли от счастья при виде этого танца. Слезы текли из глаз старика Тобиаса. Это было чудо, настоящее чудо, какого жители Косых Крыш не видели никогда.

— Ха-ха-ха, — гулко, протяжно кашляя, смеялся её отец.

— Ха-ха-ха, — весело, как труба, пропела мама Ньюш.

— Ха-ха-ха, — смеялись ловкач и рыбаки-соседи.

— Всё, больше не могу, — прогудел старик Тобиас, — всё... — И повернул ручку.

Радио замолчало. Симона мгновенно остановилась — запыхавшаяся, улыбающаяся и раскрасневшаяся.

— Ха-ха-ха, — пробасил ловкач, — умо-о-ора!.. Всё, малышка Симона, теперь ты Малышка Ха-Ха, — сказал он.

